

Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ

М. Лермонтов

СОСНАВИ
СЧАСТИЯ

Михаил Юрьевич Лермонтов

Панорама Москвы
(Проза Михаила Лермонтова)

Содержание

Михаил Юрьевич Лермонтов Панорама Москвы	0004
Примечания	0013

Михаил Юрьевич Лермонтов

Панорама Москвы

Кто никогда не был на вершине Ивана Великого, кому никогда не случилось окинуть одним взглядом всю нашу древнюю столицу с конца в конец, кто ни разу не любовался этою величественной, почти необозримой панорамой, тот не имеет понятия о Москве, ибо Москва не есть обыкновенный большой город, каких тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа, своя жизнь. Как в древнем римском кладбище, каждый ее камень хранит надпись, начертанную временем и роком, надпись, для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта!.. Как у океана, у нее есть свой язык, язык сильный, звучный, святой, молитвенный!.. Едва проснется день, как уже со всех ее златоглавых церквей раздается согласный гимн колоколов, подобно чудной, фантастической увертюре Беттго-

вена, в которой густой рев контр-баса, треск литавр, с пением скрипки и флейты, образуют одно великое целое; – и мнится, что бестелесные звуки принимают видимую форму, что духи неба и ада свиваются под облаками в один разнообразный, неизмеримый, быстро вертящийся хоровод!..

О, какое блаженство внимать этой неземной музыке, взобравшись на самый верхний ярус Ивана Великого, облокотясь на узкое мшистое окно, к которому привела вас истертая, скользкая, витая лестница, и думать, что весь этот оркестр гремит под вашими ногами, и воображать, что всё это для вас одних, что вы царь этого неведомого мира, и пожирать очами этот огромный муравейник, где суетсяя люди, для вас чуждые, где кипят страсти, вами на минуту забытые!.. Какое блаженство разом обнять душою всю суетную жизнь, все мелкие заботы человечества, смотреть на мир – с высоты!

На север перед вами, в самом отдалении на краю синего небосклона, немного правее Петровского замка, чернеет романическая Марьяна роца, и пред нею лежит слой пест-

рых кровель, пересеченных кое-где пыльной зеленью бульваров, устроенных на древнем городском валу; на крутой горе, усыпанной низкими домиками, среди коих изредка лишь проглядывает широкая белая стена какого-нибудь боярского дома, возвышается четверугольная, сизая, фантастическая громада – Сухарева башня. Она гордо взирает на окрестности, будто знает, что имя Петра начертано на ее мшистом челе! Ее мрачная физиономия, ее гигантские размеры, ее решительные формы, всё хранит отпечаток другого века, отпечаток той грозной власти, которой ничто не могло противиться.

Ближе к центру города здания принимают вид более стройный, более европейский; проглядывают богатые колоннады, широкие дворы, обнесенные чугунными решетками, бесчисленные главы церквей, шпицы колоколен с ржавыми крестами и пестрыми раскрашенными карнизами.

Еще ближе, на широкой площади, возвышается Петровский театр, произведение новейшего искусства, огромное здание, сделанное по всем правилам вкуса, с плоской кров-

лей и величественным портиком, на коем возвышается алебастровый Аполлон, стоящий на одной ноге в алебастровой колеснице, неподвижно управляющий тремя алебастровыми конями и с досадою вззирающий на кремлевскую стену, которая ревниво отделяет его от древних святынь России!..

На восток картина еще богаче и разнообразнее: за самой стеной, которая вправо спускается с горы и оканчивается круглой угловой башнею, покрытой как чешуею зелеными черепицами; – немного левее этой башни являются бесчисленные куполы церкви Василия Блаженного, семидесяти приделам которой дивятся все иностранцы и которую ни один русский не потрудился еще описать подробно.

Она, как древний Вавилонский столп, состоит из нескольких уступов, кои оканчиваются огромной, зубчатой, радужного цвета главой, чрезвычайно похожей (если простят мне сравнение) на хрустальную граненую пробку старинного графина. Кругом нее рассеяно по всем уступам ярусов множество второклассных глав, совершенно не похожих од-

на на другую; они рассыпаны по всему зданию без симметрии, без порядка, как отрасли старого дерева, пресмыкающиеся по обнаженным корням его.

Витые тяжелые колонны поддерживают железные кровли, повисшие над дверями и наружными галереями, из коих выглядывают маленькие темные окна, как зрачки столбчатого чудовища. Тысячи затейливых иероглифических изображений рисуются вокруг этих окон; изредка тусклая лампада светится сквозь стекла их, загороженные решетками, как блещет ночью мирный светляк сквозь плющ, обвивающий полуразвалившуюся башню. Каждый придел раскрашен снаружи особенною краской, как будто они не были выстроены все в одно время, как будто каждый владетель Москвы в продолжение многих лет прибавлял по одному, в честь своего ангела.

Весьма немногие жители Москвы решились обойти все приделы сего храма. Его мрачная наружность наводит на душу какое-то уныние; кажется, видишь перед собою самого Иоанна Грозного, – но таковым, каков

он был в последние годы своей жизни!

И что же? – рядом с этим великолепным, угрюмым зданием, прямо против его дверей, кипит грязная толпа, блещут ряды лавок, кричат разносчики, суется булошники у пьедестала монумента, воздвигнутого Минину; гремят модные кареты, лепечут модные барыни, ... всё так шумно, живо, непокойно!..

Вправо от Василия Блаженного, под крутым скатом, течет мелкая, широкая, грязная Москва-река, изнемогая под множеством тяжких судов, нагруженных хлебом и дровами; их длинные мачты, увенчанные полосатыми флюгерями, встают из-за Москворецкого моста, их скрипучие канаты, колеблемые ветром, как паутина, едва чернеют на голубом небосклоне. На левом берегу реки, глядясь в ее гладкие воды, белеет воспитательный дом, коего широкие голые стены, симметрически расположенные окна и трубы, и вообще европейская осанка резко отделяются от прочих соседних зданий, одетых восточной роскошью или исполненных духом средних веков. Далее к востоку на трёх холмах, между коих извивается река, пестреют широкие массы до-

мов всех возможных величин и цветов; утомленный взор с трудом может достигнуть дальнего горизонта, на котором рисуются группы нескольких монастырей, между которыми Симонов примечателен особенно своею, почти между небом и землей висящею платформой, откуда наши предки наблюдали за движениями приближающихся татар.

К югу, под горой, у самой подошвы стены кремлевской, против Тайницких ворот, протекает река, и за нею широкая долина, усыпанная домами и церквями, простирается до самой подошвы Поклонной горы, откуда Наполеон кинул первый взгляд на гибельный для него Кремль, откуда в первый раз он увидел его вщее пламя: этот грозный светоч, который озарил его торжество и его падение!

На западе, за длинной башней, где живут и могут жить одни ласточки (ибо она, будучи построена после французов, не имеет внутри ни потолков ни лестниц, и стены ее расперты крестообразно поставленными брусьями), возвышаются арки каменного моста, который дугою перегибается с одного берега на другой; вода, удержанная небольшой запрудой, с шу-

мом и пеною вырывается из-под него, образуя между сводами небольшие водопады, которые часто, особливо весною, привлекают любопытство московских зевак, а иногда принимают в свои недра тело бедного грешника. Далее моста, по правую сторону реки, отделяются на небосклоне зубчатые силуэты Алексеевского монастыря; по левую, на равнине между кровлями купеческих домов, блещут верхи Донского монастыря... А там – за ним одеты голубым туманом, восходящим от студёных волн реки, начинаются Воробьевы горы, увенчанные густыми рощами, которые с крутых вершин глядятся в реку, извивающуюся у их подошвы подобно змее, покрытой серебристою чешуей.

Когда склоняется день, когда розовая мгла одевает дальние части города и окрестные холмы, тогда только можно видеть нашу древнюю столицу во всем ее блеске, ибо подобно красавице, показывающей только вечером свои лучшие уборы, она только в этот торжественный час может произвести на душу сильное, неизгладимое впечатление.

Что сравнить с этим Кремлем, который,

окружась зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами соборов, возлежит на высокой горе, как державный венец на челе грозного владыки?..

Он алтарь России, на нем должны совершаться, и уже совершались многие жертвы, достойные отечества... Давно ли, как баснословный феникс, он возродился из пылающего своего праха?!

Что величественнее этих мрачных храмин, тесно составленных в одну кучу, этого таинственного дворца Годунова, коего холодные столбы и плиты столько лет уже не слышат звуков человеческого голоса, подобно могильному мавзолею, возвышающемуся среди пустыни в память царей великих?!..

Нет, ни Кремля, ни его зубчатых стен, ни его темных переходов, ни пышных дворцов его описать невозможно... Надо видеть, видеть... надо чувствовать всё, что они говорят сердцу и воображению!..

Юнкер Л. Г. Гусарского Полка Лермантов.

Примечания

Печатается по авторизованной копии – ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 7, лл. 1—4. После текста подпись-автограф: «Юнкер л. г. Гусарского полка Лермонтов».

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 5, 1891, стр. 435—438). «Панорама Москвы» – сочинение, написанное в Школе гвардейских подпрапорщиков. На л. 3 рукописи имеется помета карандашом, сделанная преподавателем русской словесности В. Т. Плаксиным.

Датируется 1834 годом, так как до этого года В. Т. Плаксин не преподавал в юнкерской школе, а 22 ноября 1834 года Лермонтов был уже выпущен корнетом в лейб-гвардии гусарский полк.

Имеется ученическая тетрадь Лермонтова «Лекции из военного слова» (по теории словесности) – ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 31. Устанавливается, что эта тетрадь представляет конспект лекций В. Т. Плаксина, почти дословно совпадающий с изданным им в 1832 году «Кратким курсом сло-

вестности, приспособленным к прозаическим сочинениям». Большое внимание в лекциях обращено на «описательные сочинения» (см. лл. 16—21, 24 лермонтовской тетради) и в печатном курсе (стр. 61—67, 93—109).

«Панорама Москвы» является сочинением по данному разделу курса В. Т. Плаксина. Однако, выполняя практическое задание, построив сочинение по плану, рекомендованному преподавателем (в курсе подробно разработаны приемы и планы «прозаических описаний»), Лермонтов создал небольшое произведение, тесно связанное со всем его творчеством и, как обычно у Лермонтова, имеющее современный смысл.

Апофеоз Москвы в лермонтовской панораме находится в несомненной связи с ведущимися в эти годы горячими спорами о Петербурге и Москве (к 1835 году относится статья Гоголя «Петербург и Москва», вошедшая в «Петербургские записки 1836 г.»; в начале 1834 года было напечатано вступление к «Медному всаднику»). Сопоставление Петербурга и Москвы дано Лермонтовым в «Княгине Лиговской» и в написанных в 1835 году

строфах из поэмы «Сашка», где имеются отдельные образы, близкие к панораме.

«Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа, своя жизнь» звучит как возражение официальной точке зрения, зафиксированной Лермонтовым в словах дипломата в «Княгине Лиговской»: «Всякий русский должен любить Петербург ~ Москва только великолепный памятник, пышная и безмолвная гробница миновавшего, здесь жизнь, здесь наши надежды...».

Подробное описание архитектурных памятников и общих замысел панорамы связаны с повышенным интересом к вопросам архитектуры в середине 30-х годов. В 1834 году Гоголь пишет статью «Об архитектуре нынешнего времени», вошедшую затем в «Арабески». Герцен в 1836 году изучает книги по архитектуре и советует своей невесте перечитать главы из «Собора Парижской богоматери» Гюго: «Там ты узнаешь, что эти каменные массы живы, говорят, передают тайны» (А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем,

под ред. М. К. Лемке, т. I, Пгр., 1919, стр. 363). Появление знаменитого романа, о котором «весь читающий по-французски Петербург начал кричать, как о новом гениальном произведении Гюго» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Л., 1950, стр.32) способствовало усилению интереса к архитектуре.

Определенная самим Гюго в предисловии цель романа – внушить народу любовь к национальному зодчеству, раскрыть искусство средневековья, общая концепция Гюго и приемы описания архитектурных памятников, очевидно, произвели большое впечатление на Лермонтова. Следы этого впечатления видны в «Панораме Москвы».

Лермонтов противопоставляет средневековую архитектуру новой европейской. «Европейская осанка воспитательного дома резко отделяется от прочих соседних зданий, одетых восточной роскошью или исполненных духом средних веков». Описание произведения «новейшего искусства» петровского театра выдержано в духе Гюго, причем характерно, что Лермонтов подчеркивает контраст между гипсом и камнем. Заметим, что кони

на здании Большого театра были бронзовыми, а не алебастровыми. Однако Лермонтов трижды повторяет эпитет «алебастровый», чтобы отметить этот контраст.

Возможно, что и сама идея дать описание Москвы с наивысшей точки – колокольни собора Ивана Великого – навеяна главой «Париж с птичьего полета» из романа Гюго. Во всяком случае отдельные образы и сравнения из этой главы мы встречаем у Лермонтова в его панораме. Очень близко к Гюго описание симфонии колокольного звона, при котором «бестелесные звуки принимают видимую форму... и свиваются под облаками...».